

На правах рукописи

ЗАЙДУЛЛОЕВА ДАВЛАТМО АСМАТИЛЛОЕВНА

ИССЛЕДОВАНИЯ ДУБЛЕТОВ И СЛОВ-ПОВТОРОВ В ТАДЖИКСКОМ И ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКАХ (на материале произведения Ф. Мухаммадиева и шугнанских словарей)

Специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (памирские языки) и 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ДУШАНБЕ – 2023

Диссертационная работа выполнена в отделе лексикографии и терминологии Института языка и литературы имени А. Рудаки Национальной академии наук Таджикистана

Научный руководитель: **Джамшедов Парвонахон** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Национальной академии наук Таджикистана

Официальные оппоненты: **Джаматов Самиддин Салохиддинович** – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни

Офаридаев Назри – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела памирских языков Института гуманитарных наук Национальной академии наук Таджикистана

Ведущая организация: Кулябский государственный университет им. А. Рудаки

Защита состоится 05 апреля 2024 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета 73.2.012.04 на базе Таджикского национального университета (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ТНУ (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17) и на сайте ТНУ www.tnu.tj.

Автореферат разослан «___» _____ 2024 г.

Учёный секретарь диссертационного совета, доктор филологических наук

Садуллаев Дж.М.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Сопоставительно-типологическое исследование языков на современном этапе получило всемирную активизацию, и занимает ведущее место среди общезыковедческих дисциплин. В целом необходимость сопоставительного исследования языков была вызвана теми возможностями, которые предоставляло сопоставительное изучение языков в раскрытии особенностей функционирования системы языка и отдельных её элементов.

В качестве объекта своего анализа сопоставительно-типологическое языкознание выбирает те проблемы, которые являются наиболее актуальными, господствующими в современном языкознании. Всё более интенсивно оно способствует разработке основ универсальной теории сопоставительно-типологического анализа. У истоков этой науки стояли такие выдающиеся исследователи XX-го столетия, как Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба, И.И. Мещанинов и др.

В более поздних исследованиях этого направления в трудах В.Н. Ярцевой, А.И. Смирницкого, В.А. Звегинцева, В.Д. Аракина, В.Г. Гака, И.И. Мещанинова, Е.Д. Поливанова, Л.В. Щербы, Ш. Балли, С.Д. Кацнельсон, Л.Г. Герценберга а также А.А. Реформатского, А.И. Уфимцевой, Б.А. Успенского, В.А. Виноградова, Э. Сепира, П. Джамшедова, С. Джаматова, С. Назарзода, Р.Л. Неменовой, Р. Джураева, М.И. Ибрагимовой, С.Д. Холматовой, М. Султона, М.Ф. Исмагуллоева, М.Н. Абдуллаевой и многих других разрабатывается широкий круг вопросов, касающийся методов и аспектов осуществления сопоставительно-типологического анализа, определяется его значение для общей теории языка, выработки универсальных способов для раскрытия различных аспектов изучения языковых единиц и их систем. Сравнение одного и того же языкового явления в разных языках позволяет более четко и наглядно вскрыть сущность изучаемого явления, обнаружить его специфику как в языковом, так и в речевом, функциональном аспекте.

Сопоставительное изучение языков, имеющих разную системную структуру, проводится на основе определения актуальных проблем, господствующих в современном языкознании. Следует заметить, что данный процесс в современном языкознании в целом настолько углубился, что охватил все структурные уровни языков. Аспект изучения структуры слова как части речи сегодня является привлекающим для исследователей-лингвистов в качестве объекта специального изучения в сопоставительно-типологическом аспекте. В сопоставительной лингвистике бытует множество исследований по сопоставительному изучению языков, среди которых немало работ, посвященных теоретическим вопросам.

Сопоставительная лингвистика настолько выросла как наука, что, можно смело заявлять, что она может решать широкий круг теоретических и лингводидактических задач. Она имеет свой предмет и конкретные задачи, и представляет собой ту область языкознания, которая тесно связана с методикой обучения иностранным языкам. Таджикский и шугнанский языки, имея общую генетическую связь, принадлежат к иранской группе индоевропейской языковой семьи.

Данное исследование посвящено изучению специфики функционирования дублетных слов в таджикском и шугнанском языках в сравнительном аспекте.

Актуальность темы данного диссертационного исследования также состоит в исследовании дублетных слов в таджикском и шугнанском языках, а также в создании единой концепции данного языкового явления, по которому можно выявить сходства и различия сопоставляемых языков.

Особый интерес вызывает сопоставительное исследование таджикского и шугнанского языков в плане раскрытия процессов и закономерностей, систематизации специфических явлений и процессов дублетных слов в рассматриваемых языках. Избранная тема актуальна также и тем, что семантика дублетных слов во многих языках, в частности и в таджикском и шугнанском языках, в сравнительном плане, нуждается в таких исследованиях, так как именно они дают возможность с точностью определить роль и значение тех или иных лексико-семантических групп (ЛСГ) в формировании и развитии различных языковых стилей.

Эти вопросы, как в плане синхронии, так и в плане диахронии, особенно в таджикском и шугнанском языках, остаются непонятными и спорными, потому что в современном таджикском и шугнанском языках дублетные слова до сих пор недостаточно изучены, в сопоставительном аспекте, хотя в существующей научной и учебной литературе в данное время имеются работы таджикских учёных-лингвистов, таких как С.И. Баевский (1953), Б. Ниёзмухамедов (1970), И.И. Норова, А. Халилов (1964), М. Ибрагимова (1978), А.З. Розенфельд (1963) Ш. Аламшоев (2020), Музаффарова Д. (2020), Бекташ Л. (2020) и др.

В конце XX века в языкознании начали рассматривать язык не как знаковую, а как антропоцентрическую систему, целью изучения которой является речемыслительная деятельность человека. Это содействовало появлению массы различных направлений в науке, таких как: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, этнопсихолингвистика, психолингвистика, межкультурная коммуникация и другие. Дублетные слова – явление многоаспектное, и поэтому в лингвистических исследованиях наличествует множество суждений и подходов к интерпретации сущности языка. Все приведенные лингвистические направления ставят одну цель – выявить процессы, результатом которых и является речь человека.

Актуальность исследования в большой мере также обусловлена недостаточно изученностью дублетов (слов-повторов) в современном таджикском языке на основе художественной литературы. Важность изучения интересующей нас проблемы становится очевидной, если учесть, что изучение фактов языка на уровне лексики и семантики является тем важным звеном, в котором можно выявить не только лексический арсенал того или иного языка, но и структурно-семантическую этимологию, механизм развития полисемии её использования в языке особенно в сравнении с другим иранским бесписьменным языком – шугнанским, где еще сохранились утерянные слова-дублеты в ходе классического таджикского языка.

Предметом исследования послужила лексическая система дублетных слов таджикского и шугнанского языков на базе художественной литературы, в частности книга Ф. Мухаммадиева «Угловая палата» с точки зрения семантики функции и структуры вторичных номинаций, и словари Зарубина И., Карамшоева Д., Аламшоева М., Аламшоева Ш., Джамшедова П., и Шодибековой М. по шугнанскому языку.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является описание процессов редупликации и лексики повтора в сопоставляемых языках. Цель исследования обусловлено конкретными задачами:

- сбор материалов и составление картотеки дублетных слов и слов-повторов из художественной литературы и двуязычных словарей;
- рассмотреть различного подхода к изучению дублетов и слов-повторов;
- определить сущностные параметры дублетов и слов-повторов в традициях, принятых в иранистике;
- ознакомление с инструментарием лексики таджикских и шугнанских дублетов, словами и выражениями, понятиями и закономерностями их функционирования;
- установить особенности дублетов и слов-повторов, включая подражательную специфику в редупликативных образованиях;
- изучить морфологическую и дериватологическую структуру таджикских и шугнанских парных слов в сопоставительном аспекте;
- разработка классификации лексики повтора и методологии их исследования;
- дать семантическую характеристику слов-повторов на основе смысловых отношений компонентов;
- выявить лингвистические особенности повтора в таджикском и шугнанском языках;
- описать употребление дублетов в таджикском и шугнанском языках;
- рассмотрение этимологии некоторых дублетов.

В связи с перечисленными задачами был проведен анализ теоретических вопросов, связанные с происхождением и классификацией дублетов, предложенные различными учеными. Также выполнялась практическая исследовательская работа по изучению каждого вида этих явлений на примерах, взятых из произведения Ф. Мухаммадиева «Угловая палата» и двуязычных словарей шугнанского языка.

Методы лингвистического исследования, применяемые в работе, обусловлены её целью, задачами и характером материала. Теоретическую основу диссертации составили научные изыскания и теоретические выводы таджикских, русских и зарубежных языковедов. В процессе осуществления поставленных задач нами использованы следующие методы: описательный включающий в себе приемы наблюдения, сравнительно-сопоставительный, и аналитическо-статический, необходимый при разработке классификации дублетов таджикского языка.

Материалом исследования послужили сплошные выборки из словарей таджикского и шугнанского языков, словаря синонимов, повторов из произведения Ф. Мухаммадиева «Угловая палата», двух и трёхязычные словари шугнанского языка Д. Карамшоева, М. Аламшоева, Ш. Аламшоева, П. Джамшедова, М. Шодибековой, а также язык периодической печати.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в сопоставительном аспекте рассматриваются дублеты и слова-повторы таджикского и шугнанского языков. Данные языки генетически родственные, однако наряду с этим в ходе длительных контактов развили множество общих черт. В ходе исследования установлены общие и частные параметры дублетов и слов-повторов сопоставляемых слов, объяснены их причины, а также зафиксированы новые парно-образованные лексические единицы обоих языков. Сопоставление материала

таджикского и шугнанского языков позволило создать объективное представление об изучаемом феномене. Работа является первым исследованием проблематики дублетов таджикского и шугнанского языков в сопоставительном аспекте.

Новизна диссертационного исследования заключается в том, что:

- впервые на материале художественного произведения и двуязычных словарей анализируется лексика дублетов и слов-повторов в сопоставительном аспекте.

- расширен корпус выявления механизмов лексики повторов (дублетов) в таджикском и шугнанском языках.

- уточнено место лексики повторов (дублетов) в системе лексики таджикского и шугнанского языков.

Личный вклад соискателя состоит в получении результатов, изложенных в диссертации, а также ее участия, в формулировке ее основных положений и выводов, опубликовании полученных результатов. Автором лично проведена обработка, анализ и систематизация полученного материала. Основные положения диссертации неоднократно докладывались автором на международных и отечественных конференциях в виде докладов.

Теоретическая значимость исследования. В диссертации собран и исследован большой языковой материал, который впервые вводится в научный оборот при изучении таджикского и шугнанского языков. Уточнена теория лексического повтора и дублетов, выводы из которого послужат дальнейшему изучению этих явлений, особенно в науке об иранских языках.

Практическая ценность исследования заключается в возможности применения результатов исследования в чтении лекционных курсов и проведении семинарских занятий по лексикологии и стилистике современного таджикского языка, в целом, а также теории перевода и лингвокультурологии в частности. Работа может быть полезна при написании курсовых, дипломных, магистерских диссертаций на филологических факультетах вузов республики.

На защиту выносятся следующие положения:

- дублетные слова используются как самостоятельная категория слов, которые имеют особое строение, семантику, словообразовательную структуру и историю;

- источники происхождения дублетов в таджикском и шугнанском языках разнообразны;

- структура дублетных слов определяется историей народов-носителей данного языка;

- дублетных слов имеют особое место в развитии лексического состава в сопоставляемых языках;

- проводится этимологический анализ некоторых дублетов в таджикском и шугнанском языках.

Теоретико-методологическую основу работы составляют идеи и принципы исследования лексических единиц, разработанные в научных теориях и постулатах, связанных со становлением структурного, семантического, сравнительно-исторического, этимологического, а также когнитивного направления лингвистики, и в трудах отечественных, российских и зарубежных лингвистов В.И. Абаева, Н.Ю. Апересяна, О.С. Ахмановой, А.Г. Герценберга, С.Д. Кацнельсона, В.С. Расторгуевой, Т.Н. Пахалиной, И.М. Стеблин-Каменского, В.С. Соколовой, Л.В. Успенской, С. Назарзода, М. Султона, Дж.И. Эдельман, М. Мухаммадиева, И.М.

Оранского, В.А. Лившица, Х.М. Маджидова, Б. Камолиддинова, П. Нурова, А. Мирбобоева, Д. Карамшоева, М. и Ш. Аламшоевых, П. Джамшедова, Л. Додихудоевой, М. Ленца и других. В качестве методической и научной основы настоящей диссертации послужили также труды таких русских и таджикских ученых, как В.В. Виноградова, М.Н. Шанского, Н. Маъсуми, М. Хайдарова, Х. Шанбезода, О. Мамаджонова, О. Касимова, А. Мамадназарова и др.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были изложены в докладах на ежегодных научных конференциях сотрудников Института языка и литературы имени А. Рудаки НАНТ (2021-2023), международной научной конференции «языки и диалекты Горного Бадахшана» (ноябрь 2023) а также на ежегодных конференциях кафедры иностранных языков Национальной академии наук Таджикистана.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры иностранных языков Национальной академии наук Таджикистана (протокол №2 от 08.02.2023). По теме диссертации опубликованы 3 статьи в научных журналах, включенных в реестр ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Структура работы определяется поставленными задачами в диссертации соискателем. Диссертация состоит из введения, 3-х глав, заключения и выводов. Библиография включает в себя работы отечественных, русских и зарубежных авторов, использованных в ходе исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы диссертации; обозначены объект и предмет исследования, материал исследования; рассмотрена степень научной разработанности темы; сформулированы цели и задачи исследования; определены приёмы и методы исследования; приведены положения, выносимые на защиту; показана научная новизна; раскрыты теоретическая значимость и практическое значение исследования; указан уровень апробации её материалов, объём и структура исследования.

Первая глава «Теоретическое обоснование исследования дублетов и слов-повторов в таджикском и шугнанском языках».

Сравнительно-сопоставительное исследование лингвистики привлекало внимание многих зарубежных и отечественных лингвистов. Ознакомление с особенностями их точки зрения и сделанными ими заключениями даёт возможность для выработки определенного мнения и подходов к рассмотрению данного вопроса.

Сопоставляемые в настоящей диссертации языки относятся к иранской группе индоевропейской семье языков. Однако шугнанский язык сохранил особенности древнеиранского флективного строя, а таджикский язык, перетерпев структурные изменения, переходил к языку аналитического типа. Длительное сосуществование таджикского и шугнанского языков, их многовековые контакты послужили почвой для влияния таджикского литературного языка на развития структуры дублетных слов шугнанского языка, в результате которого появились многие идентичные дублетные единицы. С данной точки зрения вполне закономерно полное или частичное совпадение проблем, связанных с классификацией частей речи и языковых явлений в этих сопоставляемых языках.

Учитывая то, что, хотя таджикский и шугнанский языки по своим структурно-семантическим особенностям достаточно близки друг к другу, морфологические признаки этих языков имеют различное значение при

определении характеристик большинства частей речи. Например, в шугнанском языке роль морфологического пласта доминирует при определении частей речи, а в таджикском языке эти части речи определяются главным образом на основании семантических и синтаксических признаков. Для каждого языка важной задачей является изучение и анализ его словарного запаса, его лексического фонда и степени употребления языковых возможностей.

Язык, как форма выражения мысли и важнейшее средство общения между людьми, изменяется и развивается наряду с изменением и развитием общества.

В частности, современное состояние сопоставляемых языков, обладающих богатейшим арсеналом языковых средств и вобравших в себя все смысловые оттенки языка старого, позволяет причислить их к числу развитых языков мира. Однако, несмотря на все богатство и разнообразие лексического состава данных языков, они, также, как и другие языки, нуждаются в совершенствовании, изменении и избирательном отношении в отборе нормативной лексики.

В начале XX века в странах Европы и Азии произошли серьезные перемены, которые оставили неизгладимый след на культуре и духовности таджикского народа, в том числе и на процессы формирования и развития их лексических систем. Удвоение и объединение двух понятий в подобных сочетаниях, с точки зрения А.А. Поттебни, есть способ создания нового значения, состоящего в обобщении частных значений, а также в «идеализации в изображении предмета». И с этой точкой зрения трудно не согласиться.

Лексически многие словари на самом деле передают только значение «первой» части слова или основы, или двух частей дословно, тогда как частичный дубликат часто имеет другое значение: в некоторых случаях повторение полностью утратило основное значение своего корня и сохранило только метафорический смысл, например: таджикско-персидское **ab** «вода» + **tab** «свечение, сияние, блеск»; **обу тоб+ab-u-tab**, метафорически означает закаливание, закаляться; таджикское **бастан**, **банд** «связать, конфисковать, заключить в тюрьму и т.д.» таджикский+ персидский **бастан** «закреплённый» – **банд-у-баст**, **банда**, метафорически «закулисная [незаконная] сделка, сговор»; таджикский **чав** «ячмень» **чаву чав**, **чав ба чав**, метафорически «частица части зерно за зерном, понемногу, **чаву чав** – понемножку; очень мало; постепенно»; или персидское **kirt** – случайно", метафорически **kiri-kirt** – случайно; волей-неволей; очень неактуально; совершенно непредвиденное»; таджикско-персидское **тар** «мокрый» + **хушк** «шугн. кок – сухой» метафорический **тару хушк** «что угодно, всё», как в: *Дар инқилоб тару хушк бо ҳам месӯзанд*; преобразование первоначальной коннотации в метафорический смысл не обязательно требует периодов времени, т.е. **шол** – **кулох**, которое начиналось как одно слово, обозначающее официальный «головной убор» у разных народов в настоящее время используется исключительно в метафорическом значении **шал-кулах** [кардан] – наряжаться. Арабский **faq-faq** > **faq** – кипящие пузыри, треск или шипение, метафорически **faq-faq** > **faq-aq-at** > **faq-fiq-at** < волдыри на коже; Турецкий **бок** – экскременты, дерьмо, метафорически "бок-бок" **бом-бок** – очень плохой, отвратительный; дерьмовый: сложный"; Турецкий **улаг-улак** по-разному, метафорически **улаг-улаг** > **улаг-б-улаг**/" **улак-улак**> **улак-б-улак** – очень неорганизованный, запутанный: Английский " **knack-knack** – безделушка пустяк игрушка, происходящая от метафорического значения пустяк, как щелканье пальцев и т.д.

Путем сопоставления большого разнообразия редупликаций в разных языках и детального изучения различных денотатов в значительном количестве источников стало возможным добавить много новых записей, которых нет ни в одном словаре, даже в специализированных трудах по редупликации, и прояснить и расширить большую часть реального смысла. В нашей работе были собраны редупликации или слова-повторы по произведению Ф. Мухаммадиева «Палатаи кунчакй» «Угловая палата», двуязычных словарей шугнанского языка и также опрос респондентов родным языком которое является шугнанский.

Редупликации не ограничиваются какой-либо семьей языков или конкретным языком, хотя их частота может значительно варьироваться от одного языка к другому. Дублирование существует на разных уровнях и с разной частотой во всех древних языках. Наше исследование показывает, что некоторые редупликаты имеют очень древние корни, возможно, уходящие глубоко доисторические периоды.

Другим очевидным доказательством древности многих редупликатов является их близость к самым основным человеческим и речевым потребностям. Простой демонстрацией этого является тот факт, что из примерно 270 основных слов около 100 или более одной трети тем или иным образом встречаются в нашем лексиконе в повторяющейся форме. Некоторые малоизвестные, но, очевидно, очень необходимые части тела, такие как «зрачок глаза», встречаются в повторной форме во многих древних и современных родственных или неродственных языках, столь же разнесенных во времени и пространстве, как лувийский, хеттский, арабский, персидский, японский и английский. Универсальная ассоциация этой крошечной части тела с младенцем во многих неродственных языках является очевидным доказательством очень древней ассоциации:

Бу-бу > бу бу > бу-бу аль-айн¹: «зрачок глаза, зеница ока» (лувийское **ti-ti-ta**, которое существует также в хеттском «зрачок [глаза]»); Эламские **ти-ти-каш** могут скрывать древнеперсидские **ди-ди-яка / ти-ти-яка**¹; Арабский **бу-бу-бу-бун бу-бу ал-айн**. Еврейское **бах-бах > ба-ба**. Сирийский **бу-бу**, Персидский, "**ба-ба > ба-бак / би-би > би- би-ак**. Курдский, **ба-ба / би-би / бил-бил**. Армянский, "**би-би, би-б-пи-пи-к, пу-пу-к**. турецкий, **бе-бе > бе- ек, "бу-бу/ бу-бу**. Греческий, ***ви -ви > ви**. английский **bybe**, зрачок «зрачок глаза» на персидском языке **ni-ni** означает как ребенок», так и зрачок глаза, то же самое различимо в причём английском языке, младенцы в глаза, как в: **Ў дастхояшро ба гарданаш овехта ўро дах бор бӯсид**. (Она обвила его шею, подарила ему десять поцелуев). В диалекте гелакй (Иран) **çumi ni-ni**, в диалекте логардй **ni-ni-yak**. персидский, **нй-нй**, симнани, **нй-нй > пй-пй-ка**. систанй, **ni-ni**, согд., **-пу-пу > пу-пк** «зрачок глаза», арабское, **на-на > на-на" > на-на / ну-ну > ну-ну"** [продолжительно / непрерывное] вращение зрачка глаза. В сирийском, **на-на > на-но**. осетинский, **га-га > гаго-у> га-гу-й**. грузинский, **га-га > гу-га**. персидский **ка-ка > ка-к > ки-к** (зрачок) японский, "каку-каку > како-маку «роговица», африканские языки **ми-м-те-т [m] е ту-т[m]**².

Древняя природа некоторых дуплетов привела к ситуации, когда некоторые дубликаты больше не актуальны в исходном языке, но все еще преобладают в

¹ Bartholomae, AiWb, 724, 1323; Kent, OP, p. 191; Hinz 99: Filippone, стр. 64-65.

² Hurch, Bernard; Mattes, Veronika, «Editorial Preface», in Studies on reduplication. Berlin.- New York, 2005. P. 437-475.

языке-получателя, например, персидский **чобук-чобук** > турецкий **габук-габук** и т.д.

В других случаях аутентичная форма сохраняется в импортированном, тогда как исходная форма на родном языке изменилась, например, турецкий **толан-толан** сохранился в персидском языке, а турецкая форма изменилась на **алан-талан**.

Очень трудно установить, какие арабские слова вошли в турецкий напрямую, а какие через персидский, поскольку, насколько нам известно, систематических исследований по этому вопросу не проводилось.

Существует два типа редупликации: «не модифицированная», «полная» и «модифицированная» или «частичная». В качестве исключения мы включили некоторые японские и исландские примеры и их эквиваленты для целей сравнения. Японский, будучи генетически изолированным, и, казалось бы, далеким языком, содержит большое количество дублетов, многие из которых обладают необычайной семантикой с персидским или другими рассматриваемыми языками и диалектами и в другой стороны мира, например; исландский, который сохранил больше сконструированных индоевропейских корней, чем любой другой живой язык (около 57%), также сохранил некоторые интересные редупликаты, демонстрирующие семантическую близость к нашему исследованию: несколько примеров включают: *kar-kar erglanzen, aufleuchten* / сиять [ярко] *bul-bul* вспыхивать; *cenkungen* / тонуть, окунаться, падать; *towifen* / «глубокий, глубинный» разрыв, дырка: шатание, нерешительность, шатание, качание, тряска» и т.д.³

Частичные дублированные конструкции могут относиться ко многим возможным подтипам, в зависимости от того, как определена конкретная дублируемая часть. Должны быть определенные пределы вариативности форм редупликационных конструкций в естественных человеческих языках. Свойства дублируемого объекта в принципе могут быть определены либо мономодальное (через смысловые свойства), либо бимодально (через звуковые свойства), либо по отношению к обоим; таким образом, они могут быть семантико-синтаксическими составляющими или могут быть фонетико-фонологическими терминами. При редупликации всегда делается ссылка как на смысл, так и на звуковую форму.

Из-за сложной связи редупликации с семантикой в этой области не может быть достигнут значительный прогресс до тех пор, пока лексиконы редупликаций не станут доступными для широкого круга языков. Сравнение одного и того же языкового явления в структуре двух языков позволяет более четко и наглядно вскрыть сущность изучаемого явления, обнаружить его специфику как в языковом, так и в речевом функциональном аспекте. Следует заметить, что данный процесс в современном языкознании в целом настолько углубился, что охватил все структурные уровни языков. Различные выражения используются в качестве существительных – дубликата документа, прилагательных – дублирующего состава и глаголов – дублировать что-либо.

Дублетные слова таджикского языка образуются с помощью следующих средств:

³ Hurch, Bernard Mattes, Veronika, Editorial Preface, in *Studies on reduplication*. – Berlin, New York, 2005. – P. 230.

⁴ Borbor D. *Comparative Etymological Dictionary of Reduplication in the languages and Dialects of Iran*. – Los Angeles, 2008. – P. 520.

- через связующее звено -у (-ю): *шодию хурсандӣ, дару девор, меҳру муҳаббат, созу наво, хушу хурсандӣ, шабу рӯз, хашму газаб, сурху сафед, кору бор, шарму ҳаё, ёру диёр, аҳду вафо, шӯру завго* (радость и счастье, дверь и стена, привязанность и любовь, согласие и новизна, счастье и радость, ночь и день, гнев и ненависть, красное и белое, труд и бремя, стыд и позор, помощь и страна, обещание и верность, шум) и прочее.

- путём инфикса ма-: *бахс-мабахс*,

- интонацией, без какой-либо формы: *сиҳат-саломат, кӯрна-болишит, китоб-дафтар, курна-бистар* и др.

- с помощью предлогов и послелогов – *ба, то, аз, дар* и т.д. (*даст ба даст, сар ба сар, гул ба гул, рӯз ба рӯз, сол ба сол, хона ба хона* и т.д.).

Дуплетные лексические единицы двойного употребления широко используются в таджикском и шугнанском языках и делают речь более эффективной и беглой.

Прежде всего, мы сочли необходимым уделить внимание вопросу классификации этих единиц. Конечно, наша классификация является первым опытом и основана на примерах, собранных нами из языка мастеров речи С. Айни, С. Улугзоде, Дж. Икромии, Фазлиддина Мухаммадиева, Рахима Джалилия, Расула Ходизода, Пулода Толиса и других, а также разговорного и фольклорного материала лексические единицы двойного употребления относительно больше употребляются в разговорной речи и в текстах устного народного творчества. Наша классификация учитывает семантическую, структурную и функциональную задачу этих единиц, без какого-либо научного источника.

Итак, согласно собранному языковому материалу, мы классифицируем лексические единицы дублетов следующим образом:

- словарные единицы парного употребления, состав которых не может быть нарушен: вторая часть не может быть отделена от первой части; второй компонент применяется для усиления первого компонента как словесного соотношения; некоторые из вторых компонентов не имеют определенного словарного значения; они не могут дать значение словаря вместе с первой частью. Слова этой пары единиц были разделены и дроблены. Обычно они используются как единая форма, поэтому их также можно называть расширенными дублетами. Например: *нозу неъмат, дашту даман, обу арақ, заму гусса, захру зақум, долу дарахт, орзую омол, одаму олам, богу рог, чангу қидол, гала пала, калтаку куртак, чоку чилок, хоку хингил, сӯзу гудоз, сару бар, бача-кача, фаччу лач, гапу калоча, чӯбу чаҳс, беҳу бун, харачу марач, апаку чапак, балову ано* и др.

*Шумо калон шавед, нозу неъматӣ чамғията офаред, ана сонӣ ҳақ доред бигӯед, ки замони Шумо даррасид*⁴. (Когда вы растите, творите добро для общества, вот тогда вы вправе сказать, что пришло ваше время)⁵.

*Соате қабл аз раъду барқ ва борони сел ба таги шонаҳояш, ба дасту пояш дард даромад, вале ҳамин, ки ҳиссаи аввали обҳои осмонӣ ба сару бому дару долу дарахт фуру рехт, дард пасанда шуд ва чашми ӯро ганаб бурд*⁶. (За час до грома и проливного дождя у него начались боли в руках и ногах, но как только первая часть небесных вод обрушилась на деревья, боль стихла и глаза закрылись)⁷.

⁴ Мухаммадиев Ф. Палатаи кунҷакӣ. – Душанбе: Ирфон, 1974. – С. 364.

⁵ Мухаммадиев Ф. Угловая палата. – Душанбе: Ирфон, 1989. – С. 283.

⁶ Мухаммадиев Ф. Палатаи кунҷакӣ. – Душанбе: Ирфон, 1974. – С. 5.

⁷ Мухаммадиев Ф. Угловая палата. – Душанбе: Ирфон, 1989. – С. 180.

Баръакс, бо ҳикояти каждому заҳру зуқум ман дилгиратон кардам. (Наоборот, я утомил вас рассказом о скорпионах, яде и чуме). *Ягон бор аз мушкили аз гаму гусса нагиристам.* (Я никогда не плакал из-за проблемы). *Қалби безашу наҷибе доштааст.* (У него великодушное и благородное сердце)⁸.

Ряд таких слов речи состоят лишь из арабских заимствований: *хайру шарр, ҳисобу китоб, дурушту дагал, тартибу тариқат, ранчу машаққат, радду бадал, макру ҳиял, назру ниёз, зару забар, лолу мим, қазову қадар, сиҳат-саломат, аҷоибу гароиб, аллоҳу акбар, дину имон, хайру эҳсон, ассалому алейкум, зиллату иллат.*

Примеры: *Дар хусуси дилгир гузаштани рӯзҳои истироҳат, кам будани тамошогоҳ барои бачаҳои хурдсол сухане чанд радду бадал мешуд*⁹. Было много разговоров о скучных выходных, отсутствии развлечений для маленьких детей. *Сухан аз мушкилию мураккабиҳои кори табибон, ранчу машаққатҳои онон мерафта бошад, дар воқеъ рост мегӯянд.* Говоря о трудностях и осложнениях работы врачей, их страданиях, они говорят правду. *Баъд саргузашти гарони Хиромон, феъли аҷибу гариб ва мураккаби ӯро ба ёд овард.* Потом он вспомнил грустную историю Хиромона, его странное и сложное поведение. *Лекин Иброҳиҷон мисли шавҳари Хиромон он қадар накӯкори маҳзу соддадил нест, ки аз макру ҳияли ҳамчунс гофил монад.* Но Ибрагимджан, как и муж Хироман, не настолько добродетелен и простодушен, чтобы не обращать внимания на козни своего пола. *Чаро рӯзгорро чунин тартибу тариқат бахшидаи, ки кас то даме ки аз саломатӣ маҳрум нашавад, қадри онро наметиносад.* Зачем вы устроили жизнь так, что человек не знает ее цены, пока не потеряет здоровье. *Ин мӯйсафеди ботамкин ва некдил ҳам фақат се рӯз қабл аз ин ба назараи дурушту дагал менамуд.* Этот спокойный и добросердечный старик казался ему резким и грубым еще три дня назад¹⁰.

В отечественном языкознании впервые проблема повтора и синонимии была освещена в работах известного таджикского лексиколога, специалиста в области синонимии М. Мухаммадиев.

Абсолютные синонимы (дублеты) составляют особую группу парных синонимов в таджикском языке. Абсолютными синонимами называются слова, которые имеют ни семантических, ни стилистических различий: напрямую = непосредственно (наречие); употреблять = использовать = применять (глаголы), реликвия = раритет (существительные). В ходе исторического развития синонимов или изменяется их стилистическая окраска, или сфера их употребления. Например, *алифбо – алфавит, ҳамоиш – гирдиҳамой, самолёт – аэроплан.* В таджикском, как и в шугнанском языке образцом таких абсолютных дублетов считаются синонимы – *чаҳон – дунё – олам-гетӣ – чарх – гардун – даҳр,* хотя в таджикском языке наблюдается довольно большое количество синонимичных слов, которые по характеру употребления больше являются стилистическими, так как применяются в различных художественных контекстах. Например, *чаҳон, дунё, чарх, сипеҳр, олам* и др.

Ниже приводятся этимологии некоторых редупликаций в таджикско-персидском и шугнанском языках: ab-ab много воды; перс. ab, авест. ар, пехлав. aw, av, араб. wab-wab; ab az ab; ab-ataš – риск, оташ – огонь, авест. atar, пахлав. Ataxš;

⁸ Там же

⁹ Мухаммадиев Ф. Палатаи кунҷакӣ. – Душанбе: Ирфон, 1974. – С. 183.

¹⁰ Мухаммадиев Ф. Угловая палата. . – Душанбе: Ирфон, 1989. – 283 с. (стр. 9, 251, 184, 65, 66)

)

ab-tab-ab-u-tab успех, великолепиие; пример: *Чун гуҳар обу тоб агар дорӣ* (Сохиби Табрези), ab-ja rub (кардан) – очистить, подготовить ab – вода, jārub веник; ob-rang-ab-u-rang (додан) – приукрасить; ab-u-arag покраснеть от стыда; ав-u-alaf – сельхоз корм; ав-u-gil принадлежность, богатство; ab-u-hava – погода; at-u-aşal – мусор; aj-u-dag – влюбляться; *гумон мекуни оҷу доғи чаимонат астам*; ах-u-vaх – ох, ох; āх-u-tuf – плевать; ахир-u ахир – в конце концов; ба-ба – дед; bag-u-rag – сады и луга; кам-кам – немного; ʒarand-parand; dul-dul – позв. лошадь; bul-bul – звук протикание воды; alan-talan – беспорядок; ašti-mašti – примериться; yur-yur – гулдурос; ās-u-pas – бедный; aftab-mahtab – детская игра; ari-ari – да, да; aram-u-iram – медленно; āraiš-piroiš – наряжаться; adam-u-adam – народ и люди; ахир-u agibat – конец, финал; ruу-a-ruу – напротив; хит-хит – зазывать куриц; andak-mandak – мало; ajanna-axanna – сумашедший (араб); fil-fil – перец (ар); bah-bah – очень хорошо; bas-bas – хватит; баq-баq – звук пчелы; агар-агар – иногда; bur-bur – издать звук; pāš-pāš – вдребезге (сломать); pušt-pušt один за другим; ʕiу-ʕiх – тадж, шум, крик; ʕur-ʕur – звук воды (балучи), таджк; ʕи-ʕи – о лошади; da-da – отец (диалект) в балучи; дагу-dowa – мед, лекарства; dam-dam – часто; dum ba dum – время от времени; ru-ru (ruba ru) – напротив друг друга; zum-zum (gam-zam) – святая вода в Мекке; sah-in sah – король королей; tak-tak – стук (pers, шугн); ajin-ajin (курд) – мало по малу; iу-u-иу – тут и там шугн. Мируя-вируя (тадж, шугн); раg-раg – гулдузӣ (курд), вышивание; ʕand-ʕund – узнать цену у торговца (тадж, тюрк); ʕag-ʕag – разговор, беседа (тадж, шугн); piš-piš – зазывать кошку (pers, шугн); kuh-kuh – кашлить (pers, шугн.); pal-pal – блестять (pers, шугн); а-а – ха-ха (*назир ловен - ат веванд а-аа сӯд*); aw-aw – лай, тьяканье; ай-ай – ой, эй, ах – увы; тит-тит (ак) разбитый вдребезги; *ууg-ууg* (ак) рванный; *айрун-айрун* – растерянность; баг-кач – дети; *бад-бад* (чихтов) смотреть со злостью; *барг (ас) барг* – не шелохнется, тихонечко; *баргӯ-баргӯ* – обрывать листья; бардор-бардор (чидов) – хвалить; *барзин-барзин* – обматывание, скручивание; *варраст-варраст* – быстро, бегло; (о пчелах) звук пчелы, жужжать; *вай-вай* – ой, ох; *мурз-мурз* – судороги, дрожь, озноб; *мурс-мурс* – щепетать; га-га – иногда; *гап-гап* – разговоры, слухи; *гур-гур* – друг за другом, толпой; *дауун-дауун* – прорасти, бегом; *дам (ба) дам* – непристанно, часто; дар ба дар – скиталец, бродяга; *дарақ-дарақ* – дрожать, трястись, трепетать; *туха-муха* – дорожные припасы; *дӣл-дӣл* (чидов) – утешать, успокаивать; *дус-дус* (ик) – по немногу; *дунд-дунд (ак)* – на части, вдребезги; *вуст (ми) вуст* – рука об руки; *оик-оик* – заикание, коноязычие; *йигун-йигун* – иногда, временами; *хуч-хуч* (ак) – медленно; кам-кам – мало помалу; кар-кар – шуршание, шорох; *каш-каш* – (шугн) – очень горячо; *кур-кур* – шорох, шум; *курух-курух* – шорох, шелесть; *кук-кук* – кряхтанье; лай-лай – баю бай, баинки; *лах-лах* – постукивание, стук; *луг-луг* – толпой, гурбой; *лум-лум* – плавно, тихо; *луг-луг* – подзывать яка; *маҳ-маҳ* (а) – лениво, вяло (есть); *мав-мав* – мяу-мяу; *муқ-муқ (ик)* – пухлый, упитанный; *оста-оста* – тихо-тихо; *пат-пат* – бормотание; *патте-патте* (зибид) – прыгать, скакать; *пале-пале* – бок, сторона, край; *пул-пул* – свет, отблеск, огоньки; *рам-рам* – топот, грохот; *рафта-рафта* – постепенно; *сәм (бар) сәм* – в страхе, в испуге; *шар-шар* – звук воды, шум водопада; *кур-кур* (чидов) – свистящий звук; *қут-қут* – подающая звук курицы; *чунг-чунг* – согнувший; *шут-шут* (шат-шат) – хромо́й¹¹

¹¹ Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь, том 1. – Москва: Наук 1988с.

Ниже рассматривается вопрос редупликации современного таджикского и шугнанского языков. Дублеты в современном таджикском выражают: действенное выражение, выражение мысли: *оҳу воҳ* (о боже), *нолаю афгон* (вздых и стон), *тобу тоқат* (терпение) шугн: *вай-вай, ой-ой и т.д.*

Например, *Эҳтимол, аз умраиш фақат чанд рӯз боқӣ монда бошад ва ба оҳу воҳу нолаю афғони дигарон тобу тоқат надорад*¹². У него может остаться всего несколько дней в жизни, и он не потерпит чужих вздохов и стонов.

Эти выражения иногда употребляются в настоящем времени.

В работах по таджикскому языку мы находим следующее определение: это описание является хорошей стилистической особенностью писателя и используется для выразительного и эффективного выражения мысли: *гушу ҳуш* (внимание). Например: *Аз экран сари писараке намоён мешуд, ки ҳама тан гушу ҳуш гардида, даҳанаиш боз мондааст*¹³. (На экране была голова проснувшегося мальчика с открытым ртом).

Выражение образа и способ совершения действия: *шуху шаттоҳ* (шутник). Например: *Инро гуфта, Қамари шуху шаттоҳ хам шуда, аз руйи рафиқаш бўсид*¹⁴. (Сказав это, шутник Камар наклонился и поцеловал своего друга в лицо).

Значение определения и описания: *саъю кӯшиш, ҷидду ҷаҳд* (старание). Например: *Пеш вай дар ақидае буд, ки ҳамаи саъю кушиш, ҷидду ҷаҳд ва талоши Носир Аббос барин шахсон фақат зоҳиран гуё маъное дорад*¹⁵. (Ранее он придерживался мнения, что все старания, и старания таких людей, как Нассер Аббас, только кажутся бессмысленными).

Выражение степени или акцента речи: *сахту сухт* (твердый), *таппа-тайёр* (готовый). Например, *Ҳасан, баъзан кӯдаки таппа тайёр мешавӣ-а!*¹⁶. Хасан иногда ведёт себя как ребёнок.

- **Выражение описания (интерпретации):** *дугу даранг* (бунтовать), *дугу дагдага* (высокомерие). Например: *Ҳамин хел дугу даранг кардан гирад, ба пеши мардак телевизор, радиоприемник, телефони алоҳида ҳам оварда мемонанд, аз дил гузаронид Иброҳимчон*¹⁷.

- **Связь образа с негативным эмоциональным оттенком:** **фачу лач** (бред какой-то). На пример: *Меғӯянд, ки он хуҷайрахо на фақат аз кор нафармудан, балки аз шунидани гапҳои фачу лач ҳам шах мешаванд*. [Мухаммадиев, 1974, с.72]. (Говорят, что эти клетки не только перестают работать, но и становятся глухими, когда слышат глупый разговор).

- **Антонимическое отношение ко всему:** *пиру ҷавон* (стар и млад), *сафеду сиёҳ*, (белый и чёрный), *нагзу ганда* (хороший и плохой), *бобу нобоб* (лучший и худший). Например, *Ҳазорон пиру ҷавони мамлакат бо як забон полковникро тарафдорӣ мекарданд*¹⁸. (Тысячи молодых и старых людей страны единогласно поддерживали полковника).

¹² Мухаммадиев Ф. Палатаи кунҷакӣ. – Душанбе: Ирфон, 1974. – С. 103.

¹³ Там же: стр. 56

¹⁴ Там же: стр. 56

¹⁵ Там же: стр. 223

¹⁶ Там же: стр. 99

¹⁷ Мухаммадиев Ф. Палатаи кунҷакӣ. – Душанбе: Ирфон, 1974. – С. 104; Мухаммадиев Ф. Угловая палата. . – Душанбе: Ирфон, 1989. – С. 104.

¹⁸ Мухаммадиев Ф. Палатаи кунҷакӣ. – Душанбе: Ирфон, 1974. – С. 84; Мухаммадиев Ф. Угловая палата. . – Душанбе: Ирфон, 1989. – С. 104.

Можно констатировать, что дублетные слова как средство художественного изображения, на протяжении длительного времени используются в художественной литературе для усиления, подчёркнутости речи особенно восточноиранских. Через него они вносят в свои творения художественную красочность, семантические и модальные оттенки, а также экспрессивность.

В процессе анализа было определено, во-первых, дублетные слова считаются фактором организации однородных членов предложения и средством формирования сложных предложений. Во-вторых, выявлен процесс образования дублетных слов особыми способами, определена их грамматическая (синтаксическая) особенность, фактор дублетных слов как части, формирующей речь и другие его неисследованные проблемы.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что дублетные слова могут быть разделены на лексические и семантические, интерпретация которых составляет содержание данной главы.

Учитывая то, что таджикский язык по своим структурно-семантическим особенностям достаточно отличается от других иранских языков, морфологические признаки этих языков имеют различное значение при определении характеристик большинства частей речи.

Например, в шугнанском языке роль морфологического пласта доминирует при определении частей речи, а в таджикском языке эти части речи определяются главным образом на основании семантических и синтаксических признаков.

Для каждого языка важной задачей является изучение и анализ его словарного запаса, его лексического фонда и степени употребления языковых возможностей. Язык, как форма выражения мысли и важнейшее средство общения между людьми, изменяется и развивается наряду с изменением и развитием общества. В частности, современное состояние таджикских дублетных слов, обладающих богатейшим арсеналом языковых средств и вобравших в себя все смысловые оттенки языка классического периода, позволяет причислить их к числу самых развитых языков мира. Однако, несмотря на все богатство и разнообразие лексического состава данного языка, так же, как и другие языки, нуждаются в совершенствовании, изменении и избирательном отношении в отборе нормативной лексики.

В начале XX века в странах Европы и Азии произошли серьезные перемены, которые оставили неизгладимый след на культуре и духовности русского и таджикского народов, в том числе и на процессы формирования и развития их лексических систем. Под влиянием грамматических учений русских лингвистов формируется таджикская теоретическая наука о языке. Великий русский лингвист А.А. Потебня в своих работах впервые рассмотрел структурные особенности исследуемых сочетаний.

Удвоение и объединение двух понятий подобных сочетаний с точки зрения А.А. Потебни, есть способ создания нового значения, состоящего в обобщении частных значений, а также в «идеализации в изображении предмета». И с этой точки зрения трудно не согласиться.

Другой российский лингвист Д.С. Лихачев называет приведенные выше сочетания разновидностью синонимических сочетаний: «Наиболее распространенный тип синонимических сочетаний – сращения типа *правда – истина, род – племя, честь – хвала* и т.д.

Ученый считает, что в таких парных выражениях особенности значения каждого слова сохраняются, и самосращение приобретает в своем значении особый, дополнительный, новый оттенок. В результате образуется новое сочетание, с новыми особенностями значения, новым кругом поэтических ассоциаций и как бы усиленное в своем значении. Здесь учёный отмечает семантическую нерасчлененность, неделимость парных синонимов, которые образуются путем объединения двух понятий, «причем одно из понятий может быть видовым и конкретным, а другое – родовым, более абстрактным»¹⁹.

В таджикском языковедении начиная с 40-70-х годов прошлого столетия, начали публиковаться научные произведения таких известных лексикологов, как Л. Бузургзаде, А. Мирзоева, Б. Ниёзмухаммадова, Д. Таджиева, А. Каримова, М. Фозилова, Н. Масуми, основавших научную школу таджикского языкознания. Они внесли огромный вклад в решение вопросов фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикологии современного таджикского языка. В дальнейшем также наиболее важные аспекты лексики, фразеологии, морфологии, лексикографии и других отраслей таджикского языкознания были рассмотрены в научных трудах Ш. Рустамова, М.Н. Касымовой, А.Л. Хромова, Б. Камолиддинова, С. Халимова, М. Мухаммадиева, Т. Хаскашева, С.Ходжаевой, С. Назарзода, А. Мамадназаров, С. Джаматова, М. Султон, М. Мамаджанова и других ученых.

На современном этапе раскрытием наиболее важных аспектов таджикской лингвистики, и, в частности, лексикологии заняты такие известные ученые, как М.Н. Касимова, Б. Камолиддинов, С. Назарзода, М. Султон, А. Мирбобоев, Ф. Шарифовой, Х. Шамбезода С. Джаматов, П. Джамшедов, С. Матроров, Д. Саймиддинов и др.

В таджикском языкознании существует ряд проблем, которые на сегодняшний день не нашли своего должного решения или до сих пор не изучены до конца. Одним из таких наиболее важных для таджикской лингвистики проблем является исследование и анализ некоторых лексико-грамматических и стилистических особенностей дублетов и слов-повторов в произведениях художественной литературы и языка прессы. Всестороннее изучение и исследование лексических и стилистических особенностей современной поэзии играет важную роль в определении путей и способов развития и совершенствования лексического состава таджикского языка.

В вопросе исследования дублетных слов таджикского языка большая заслуга принадлежит известному языковеду М. Мухаммадиеву, который посвятил много лет делу изучения этого важного вопроса таджикской лингвистики. Одним из первых научных произведений М. Мухаммадиева, посвященного изучению синонимов, является его труд «Синонимы в таджикском литературном языке», изданный в 1962 году. В последующие годы были опубликованы его другие научные работы, в которых автор рассматривает проблематику синонимических целей и стилистических синонимов²⁰.

Исследователи явления парной синонимии подчеркивают, что среди таджикских учёных отсутствует единство в формулировке термина парной синонимии (далее ПС). Некоторые характеризуют парные синонимы как «*чуфтҳои муридифӣ*» (синонимичные пары), а некоторые в своих исследованиях используют

¹⁹ Маслов, Ю.С. Вопросы сопоставительной аспектологии. – М.: ЛГУ, 1978. – С. 107-108.

²⁰ Мухаммадиев Ф. Палатаи кунҷакӣ. – Душанбе: Ирфон, 1974. – С.167.

термины *ибораҳои муродифӣ*» (синонимичные словосочетания), «*воҳидҳои ҷуфт*» (парные единицы), «*таркибҳои ҷуфт*» (парные составы), равнозначные по своей семантике. Однако большая часть учёных отмечают, что для выражения особенностей двух синонимичных слов наиболее подходящим является термин «*ҷуфтҳои муродифӣ*» (парные синонимы).

Лексические характеристики данного явления заключаются в продуктивности лингвистической экспликации и пропорциональном использовании синонимических единиц, репрезентованных конкретной структурой и источниками происхождения слов (*тадж.+ тадж.+ тадж.: ганчу зару гавҳар; шугн: ганчат зарат зевар арабск.+ тадж.+ арабск.: тауаммулу бардошту сабр; узбекско-таджикско-арабские: яроқ-анҷом-аслиҳа*)²¹.

Повтор как единица языка в сопоставляемых языках. Повтор – это лексико-грамматическая единица, а также стилистическая единица, которая образуется в результате парного (повторения) слов (полностью или частично), композиции, словосочетания, предложения. Повтор известен как средство художественной репрезентации в таджикском языкознании²². В самом деле, словесное искусство повтора, как в стихах, так и в прозе, есть средство сделать выражение яснее и понятнее²³.

Верно, что в последние десятилетия лингвисты также приняли во внимание искусство повтора. Оказалось, что повтор играет большую роль в области словообразования, лексикологии и стилистики (Турсунов, 1954, Шукурова, 1973, 1978, 1985; Рустамов, 1972; Джалилов, 1964, Исмаилов, 1988; Саидов, 1975, Зикриёев, 1986, 1991, 2000). Однако стоит отметить, что в настоящее время в таджикском языкознании виды повтора и его различные функции в сопоставительном аспекте специально не изучались. Поэтому мы хотели кратко изложить свои наблюдения и размышления об особенностях значения повтора.

Нами выделены следующие виды повтора: 1. полный повтор (буквально); 2. Неполный повтор; 3. дополнительный повтор; 4. модифицированный повтор (Шукурова, 1985); 5. полные и неполные повторы; 6. полные, неполные, подражательный повторы (Турсунов, 1974); 7. Полные, неполные, подражательный повторы²⁴.

Таджикский учёный Ф. Зикриёев, несколько изменяя традицию термина, классифицирует повтор следующим образом: лексический повтор; синонимический повтор; стилистический повтор; грамматический повтор (морфологический и синтаксический), семантический повтор, смешанный повтор, эпифорический повтор, поэтапный повтор²⁵.

Словарный или лексический повтор – это вид повтора, при котором слово повторяется полностью или частично. Поэтому его можно разделить на полные, неполные, тавтологические и подражательные повторы. Полный прямой повтор, где все слово повторяется от оригинала:

*Чаҳон сар ба сар подшоҳи турост,
Даму дом бо мурғу моҳӣ турост. (Фирдавӣ).*

²¹ Забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: Ирфон, 1973. – С. 354.

²² Зехни Т. Санъати суҳан. Нашри 4. – Душанбе: Адиб, 1976. – С.150; Шарипов Х. Слова художника, – 1991, – С. 122;

²³ Зехни Т. Санъати суҳан. Нашри 4. – Душанбе: Адиб, 1976. – С.195.

²⁴ Рустамов Ш. Лексика имени в современном литературном языке. – Душанбе, 1972. – С. 68.

²⁵ Зикриёев Ф. Структурно-семантические особенности паратаксиста. – Душанбе: Дониш, 1986. – С.190.

*Расид овозаи мо гӯш бар гӯш,
Зи рӯҳи бад наёмад дӯш бар дӯш. (Носир Хусрав).*

Неполный повтор – это повтор, при котором первая часть слова (корень) является неполной, а вторая – полной. Цель первой части делает всю вторую часть сильной и действенной: *суп-сурх* (красный), *каб-кабуд*, (синий), *сип-сиёҳ* (чёрный) *заб-зард* (желтый) и т. д., Например, *Руяш аз чанги ангишт сип-сиёҳ шуд* (С. Айнӣ, Одина, сах. 104). (Его лицо почернело от угольной пыли). *Шоди аз хичолат суп-сурх шуда, косаро аз дасти Шомурод гирифт* (С. Айнӣ, Куллиёт-3, с.452). (Шоди покраснел от стеснения и взял пиялу у Шомуроода). Шугн: *тер-киштер зирд рух зирд*.

Тавтологический повтор. Термин тавтология первоначально заимствован из греческого языка (*tauto* – одно и то же слово, *logos* – наличие или тождество слов). Так, дословный повтор слов называется в лингвистике тавтологическим повтором. (см. Чалилов, 1964; Саидов, 1975).

Следует отметить, что эти два автора включают в число выражений тавтологии полный повтор, что, на наш взгляд, является смешением видов повторения. Единственный повтор, созданный с помощью дополнительного предложения, называется тавтологическим повтором. На наш взгляд, также ошибочно называть фразой тавтологическое повторение, так как каждая часть фразы имеет свое самостоятельное значение (*хонаи калон*, большой дом). При повторении тавтологии оба слова имеют одно и то же значение и вместе представляют одно и то же понятие. Вот примеры повторения тавтологов: *калони калон* – большой большой, *баланди баланд* – высокий высокий, *пастии паст* – низкий низкий, *муаллими муаллимон* – учитель учителей, *хурди хурд*-маленький маленький, *шахри шахрхо* – город городов в шугнанском: *зул-зулик* и т.д.

Подражательный повтор. Слова-подражания повторяют природные явления, условия жизни человека, животных, жизни, дождя, труда, привычек, обычаев и т. д. Встречаются в виде: *шилдир-пилдир*, (грох), *тарак-турук* (стук), *шалдар-шулдур* (звук дождя), *шав-шув*, *гурс-гурс*, *фаиш-фаиш*, *гулдур-гулдур*, *чақ-чақ*, *гур-гур*, *чаҳ-чаҳ*, *қаҳ-қаҳ*, *гарч-гарч*, *шибир-шибир*, *бах-бах*. Например: *дилам гун-гун мезад*. Шугн: *Му дил дун-дун зид* (Мое сердце колотилось). *Пичир-пичири одамон тамом намешуд* (из газеты). (Шепот людей не прекращался). *Фир-гири чархи ароба аз кӯча ҳам шунида мешуд* (С.Улугзода). (Визг тележного колеса с холма редко слышен). *Фаиш-фаиши поезд паст шуд. Аз як гӯшаи айвон мусичае ку-ку мегуфт* (С. Турсун). (С одной части дома был слышен ку-ку соловья).

Повтор образов происходит в результате «различного зрительного воображения человека» (Исмаилов, Кахоров, 1988). Надо отличать образное повторение от имитационного повторения. Если имитация слуха возникает на основе имитации голоса или звука, то это имитация фотоизображения или изображения события, или предмета, прошедшего мимо зрителя. Например, в обоих языках *ялт-ялт*, *милт-милт*, *ялтар-юлтур*, *чарақ-чарақ*, *қоҳ-қоҳ*, *пир-пир* и т. д. Например, *Курбон қоҳ-қоҳ хандид* (С.Турсун). (Курбон громко засмеялся). *Ордону медалҳо дар шӯълаи чароғҳои электрикӣ ялт-ялт ҷило меоданд* (Ф. Ниязи). (Ордена и медали при электрическом свете, блестели).

Существуют разные виды повторов, выполняющих разные задачи. Прежде всего, повторяющиеся слова служат для выражения различных значений и семантических оттенков, они также имеют грамматическую и стилистическую сущность.

Повтор считается одним из способов словообразования: с его помощью создаются разные части речи (существительное, прилагательное и др.); они делают выражение эффективным и независимым. Исследователи М. Шукурова, Т. Зехни, Х. Шарифов, И. Бозидов, Ш. Рустамов и другие отмечают, что повтор слов в таджикском языке в основном служит для выражения значения множественного числа. Эта мысль абсолютно правильная. Но если посмотреть глубже, то можно заметить, что повторы в таджикском языке имеют широкое значение: они используются для выражения времени, собирательной группы, неопределенности, общества (коллектива), повторения и непрерывности действия, непосредственные отношения субъекта к мысли и т.д. Значение повторов связано с их семантикой, с их морфологическими формами, а не с контекстом, каждый из оттенков значения располагается в семантическом ряду особых форм повторения.

Например, повторение прилагательного определяет качество предмета *калон-калон*, (большой, большой), *баланд-баланд*, (высокий, высокий) и т.д., что прилагательное подчеркивает состояние действия: *Ў бурро-бурро нақл мекард* (Б. Ортиков, Полвон, с. 19). (Он говорит четко).

Повтор существительных обозначает множественность. Например: *Магар ҳамин бародараш набуд, ки баҳсу мунозираи бутун-бутун ташилотҳо, маҳаллаҳо, гурӯҳ-гурӯҳ одамонро ба осонӣ ҳал карда метавонист* [Муҳаммадиев, 1974, с.109]. (Разве не его брат мог легко разрешить споры целых организаций, кварталов и групп людей).

Повторение глагола, причастия выражают непрерывность или усиления действий, или повторение действия: *давида-давида (бегать)*, *оҳиста-оҳиста (медленно)*, *тозон-тозон (галопом)* и др.: *Оҳиста-оҳиста, бидуни шитобу телбақорӣ идома мекунад* [Муҳаммадиев, 1974, с.358]. (Неторопливо, не спеша). *Иброҳимҷон бурида-бурида нафас мегирифт* [Муҳаммадиев, 1974, с.230]. (Ибрагимджон тяжело дышал). *Хиромон оҳиста-оҳиста қадам мемонд* [Муҳаммадиев, 1974, с.62]. (Хиромон шла медленно).

Повторяющиеся слова используются особенно в разговорной речи, стилях и диалектах. *Набошад, ин хел одамон, ки ба қадри нон мерасанду ҳатто онро мепарастанд, лаки дар лаканд*²⁶.

Таким образом, слова многократно используются для выражения смысла и оттенков следующих значений:

Существительные повторяются без изменения формы, обозначая отдельную группу: *Халта-халта тиллаҳои афтида рехтаро ҷамъ мекарданд*²⁷. (Мешками собирали кокон).

При повторе прилагательных, *сип-сиҳат* (здоровый), *тип-торик* (тёмный), *суп-сурх*, (красный) *дуппа-дуруст* (правильный), *сип-сиёҳ* (грязный) и т.д. не ощущается многократности, чувствуется сила, уровень смысла. *Шахсоне ҳастанд, ки ба зоҳирашон назар кунӣ, одами дуппа-дуруст, оқил, бамаънӣ менамоянд...*²⁸. (Есть люди, которые, если посмотреть на их внешность, это честные, умные, рассудительные люди...). *Пеширар рангаи когази равғанолуд барин заб-зард буду ба ҳамон аҳвол бо ҳар баҳона ба шуъбаи онҳо рафт*²⁹. (Раньше цвет у него был бледно-желтый, как промасленная бумага, и в таком же состоянии он шел к ним в

²⁶ Муҳаммадиев Ф. Палатаи кунҷакӣ. – Душанбе: Ирфон, 1974. – С. 260.

²⁷ Там же: стр. 101

²⁸ Там же: стр. 243

²⁹ Там же: стр. 317

отдел под любым предлогом). *Хусусан чинҳои гавси забгабамонанди сун-сурхайш*³⁰. (Особенно красные морщины). *Сачоқи дастпоққуни сун-сиёҳ, навишта шудааст дар хулосаи комиссияи махсуси назорати халқ*³¹. (Бело-черное полотенце для рук написано в заключении специальной комиссии народного надзора).

В повторе числительных выражаются следующие значения:

а) целое множество неопределенности: *Дар Қароқуму Қизилқумҳо миллион-миллион гектар регистон ба боғу бустон мубаддал шавад*³². (Миллионы и миллионы гектаров пустыни должны быть превращены в сады в Каракумах и Кызылкумах).

б) значение – раздельное; *Охир ман саду даҳ килоям, дусаду бист кило бошед ҳам, ором хобед*³³. (Ведь я сто десять кило, даже если ты двести двадцать кило, спи спокойно).

в) Выражение смысла манеры и ясности действия: *Мову ту бояд онҳоро якта-якта ба беруни шаҳр барорем*³⁴. (Мы с тобой должны вывести их из города одного за другим).

В многократном появлении слов подражания выражается длительностью: *Қабл аз ворид шудан ба мобайни кӯҳсор муддате лаб-лаби адири баланд кашола мешавад*³⁵.

Во второй главе рассматриваются формально-структурные особенности дублетных слов и слов-павторов в сопоставляемых языках. В первом параграфе второй главы указывается на основные источники обогащения новых слов и дуплетов в языке.

Образование и пополнение лексики языков различных типологий происходит вполне закономерно и в соответствии с теми тенденциями, которые по тем или иным причинам возобладали в языке этой науки в данный исторический период. В качестве влиятельного источника пополнения лексики выступают заимствования. Заимствование как способ обогащения словарного состава играет большую роль в пополнении терминофонда экономики и быта. Самыми древними были заимствования из классических – латинского и греческого языков, которые начали проникать в русский язык еще с IX века.

Этимологические дублеты связаны с процессом и результатом фонетических и семантических изменений слов. По своей структуре и содержанию значений они занимают промежуточное положение между вариантами слов и омонимичными словами.

Но в отличие от фонетических, морфологических и прочих вариантов, представляющих результат звукового варьирования слова без изменения значения, этимологические дублеты предполагают фонетическое расщепление слова с параллельным расхождением первоначально одного и того же слова; отличие дублетов объединяются одной звуковой (или графической) оболочкой, у первых эти же значения облакаются в свои фонетические формы³⁶.

³⁰ Там же: стр. 218

³¹ Там же: стр. 223

³² Там же: стр. 223

³³ Там же: стр. 164

³⁴ Там же: стр. 19

³⁵ Там же: стр. 186

³⁶ Алламуродова, С.Дж. Структурно-семантические особенности лексических средств межфразовой связи в русском и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / С. Дж. Алламуродова. – Душанбе, 2011.

Что касается вопроса взаимоотношений этимологических дублетов с омонимами, тут следует оговориться, что здесь мы не рассматриваем теоретические вопросы явления омонимии, а считаем уместным ограничиться рассмотрением названного нами частного вопроса. Коль скоро омонимами, т.е. словами, одинаковыми по звучанию, но разными по значению (рабочее определение), принято считать

а) два или более слов, образовавшихся в результате случайных фонетических совпадений этимологически разных слов;

б) слова, появившиеся в результате распада былой полисемии, первая разновидность омонимии нас не может интересовать, как не имеющие отношения к рассматриваемому вопросу.

Оставляется в стороне и несколько дискуссионных вопросов о разграничении полисемии и омонимии. Схематично полисемантическими словами мы будем считать те, вокруг стержневого значения которых объединяются его производные значения; омонимами – слова, которые в результате распада полисемии образовали по два или более самостоятельных стержневых значений, их общая звуковая оболочка не поддерживается более семантическим единством, так как последнее не воспринимается языковым сознанием. То, что между омонимами последнего типа и этимологическими дублетами существует самая тесная и всесторонняя связь, не подлежит сомнению. Следовательно, значения и понятия, обозначаемые в одном языке омонимичными (и полисемантическими) словами, в другом могут быть выражены этимологическими дублетами.

В омонимах образование нового слова остановилось на полпути – на семантическом раздвоении слова или же на фонетическом совпадении двух слов; у этимологических дублетов семантическая дифференциацией фонетической. Этимологические дублеты связаны с процессом и результатом фонетических и семантических изменений слов. По своей структуре и содержанию значений они занимают промежуточное положение между вариантами слов и омонимичными словами. Но в отличие от фонетических, морфологических и прочих вариантов, представляющих результат звонкого варьирования слова без изменения значения, этимологические дублеты предполагают фонетическое расщепление слова с параллельным расхождением первоначально одного и того же слова; отличие дублетов от омонимов заключается в том, что там, где у последних нескольких значений объединяются одной звуковой (или графической) оболочкой, у первых эти же значения облакаются в свои фонетические формы.

Можно сделать вывод, что этимологические дублеты являются промежуточной категорией между вариантами слов и омонимами: подобно первым, они имеют различную звуковую оболочку; подобно омонимам, дифференцированы значениями.

Образование дублетных слов таджикского языка. Дуплетные слова таджикского языка образуются с помощью следующих средств:

- через связующее звено -у (-ю): *шодию хурсандӣ, дару девор, меъру муъаббат, созу наво, хушу хурсандӣ, шабу рӯз, хашму ғазаб, сурху сафед, кору бор, шарму хаё, еру диёр, ахду вафо, шуру гавго (радость и счастье, дверь и стена, привязанность и любовь, согласие и новизна, счастье и радость, ночь и день, гнев и ненависть, красное и белое, труд и бремя, стыд и позор, помощь и страна, обещание и верность, шум)* и прочее;

- путём соединительной **ма-**; *баъс-мабаъс*;

- интонацией, без какой-либо формы: *сињат-саломат, кўрна-болишт, китоб-дафтар, курна-бистар* и др.;

- с помощью предлогов и послелогов ба, то, аз, дар и т.д.: *даст ба даст, сар ба сар, гул ба гул, руз ба руз, сол ба сол, хона ба хона* и т.д.

Дублетные лексические единицы двойного употребления широко используются в таджикском языке и делают речь более эффективной и беглой. Являясь одним из способов словообразования таджикского языка, фразеологизмы также служат определенной цели в обогащении языка (речи). Несмотря на все эти единицы, они не достигли уровня изучения и исследования в таджикской лингвистике. Прежде всего, мы сочли необходимым уделить внимание вопросу классификации этих единиц. Конечно, наша классификация является первым опытом и основана на вопросах, собранных нами из языка мастеров речи Фазлиддина Мухаммадиева, а также как литературный язык – разговорный и фольклорный материал (лексические единицы двойного употребления относительно больше употребляются в разговорной речи и творческой устной речи).

В третьей главе анализируются дублеты и слова-повторы в шугнанском языке. Первый параграф данной главы дает сведения о шугнанском языке в целом. Шугнанский язык, относящийся к шугнано-рушанской группе памирских языков, представлен двумя основными разновидностями: собственно, шугнанской и баджувской. Внутри шугнанского выделяется особый шахдаринский говор с барвазским подговором, ранее не выделявшийся исследователями. Собственно, шугнанский язык распространен в долинах р. Пяндж – ее правого притока р. Гунт, берущего свое начало под перевалом Койтезек на стыке Западного и Восточного Памира, и в верхней части долины р. Шива – левого притока р. Пяндж, в Афганском Бадахшане. В долине р. Пяндж шугнаноязычные селения расположены на протяжении около 70 км по обоим ее берегам. Район распространения шугнанского языка начинается в 30 км выше устья р. Гунт с таджикоязычного Горона и кончается селением Сохчарв в 40 км ниже устья р. Гунт. Здесь ареал, собственно, шугнанского языка граничит на советском берегу с областью распространения баджувского диалекта, а на афганском – с районом бытования рушанского языка.

Следующий параграф рассматривает историю изучения шугнанского языка. Шугнанский язык издавна привлекал внимание учёных-путешественников. За рубежом впервые им занимался английский ориенталист Р. Шоу. Позже В. Гейгер написал грамматический очерк (1898-1901). Они впервые заложили фундамент научного изучения шугнанского языка. Впоследствии разным вопросам шугнанского языка были посвящены описательные и фундаментальные труды. Шугнанцы, как и другие памироязычные народы, исповедуют исмаилизм, сохраняя при этом свой язык, древние верования, обычаи, особый уклад жизни и быта, свою культуру. До последнего времени этот язык не имел письменности, хотя в 30-е годы прошлого столетия была предпринята попытка создать учебные и литературные произведения, а также наладить обучение на шугнанском языке. Сейчас учёные стремятся возродить письменность, написаны учебники «Алифбо» (Букварь) и «*Хиунúни зív*» «Грамматика шугнанского языка», в 90-ые годы в некоторых школах изучали родной язык, печатались газеты и памироязычная литература (поэзия и проза).

Другие работы по шугнанскому языку: Geiger W. Die Pamir - dialekte. In GIPh, Bd. I, Abt. 2, 1898-1901, Аламшоев, М. М. Система местоимений шугнанского языка (в сравнении с другими языками шугнано-рушанской группы памирских языков), изд-во «Помир», Хорог, 1994; Бахтибеков Т. Грамматика шугнанского языка. «Дониш», Душанбе, 1979; Додыхудоев Р.Х. Материалы по исторической фонетике шугнанского языка. Душанбе, 1962; Додыхудоева Л.Р. Шугнанский глагол в историческом освещении. Душанбе, 1988; Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. М, -Л., Изд - во. Акад. наук СССР, 1960. -387 с. Карамшоев Д. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе, 1963; Карамшоев Д. Категория рода в памирских языках (шугнано-рушанская группа). Душанбе, 1978; Р. Jamshedov. The roof of the world. Dushanbe, 2001; Jamshedov P. Shughnanica. Душанбе, 2010; Броимшоева М. Этнолингвистический анализ шугнанских примет и предсказаний: диссертация кандидата филологических наук: (2022) / Институт языка и литературы; Давлатназар Х. Древний Шугнан в письменных и устных источниках; М. Имнатшоева. Выражение цветообозначения в разносистемных языках (на материале шугнано-рушанской языковой группы, таджикского и английского языков) (2020); Мирзоев Ш. Синонимия шугнанского языка. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Душанбе, (1999); Пахалина Т. Н. Сравнительно-историческая морфология памирских языков. М. Наука, (1989) Шугнано-рушанская группа // Языки народов СССР. М, 1966; Соколова В.С. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967; Соколова В. С. Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Л., 1973; Стеблин-Каменский И.М. Очерки по истории лексики памирских языков. - М, 1982; Эдельман Д.И. К истории язгулямских и шугнано-рушанских указательных местоимений // Иранское языкознание. История, этимология, типология. (К 75-летию профессора Абаева В. И.). -Н,1976; Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М. 1990; Осуфбеков Ш. П. Семантика и прагматика дейктических слов в языках шугнано-рушанской группы. Дисс. канд. филол. наук. - М, 1992 и др. Изучение шугнанского, как и других памирских языков, началось в 70-е годы XIX в., когда вышли в свет первые публикации Р.Шоу¹⁰.

В 1895 г. академик К.Г. Залеман опубликовал с лингвистическими комментариями материалы Д.Л. Иванова под названием "Шугнанский словарь Д.Д. Иванова" и тем самым заложил в России научный фундамент изучения шугнанского языка. На материалах Р. Шоу и К.Г. Залемана основаны посвященные памирским языкам очерки В. Томашека и В. Гейгера. Небольшое количество шугнанского материала с неточностями в записи и комментариях содержится в работах В. Ленца и Г. Шельда.

Интенсивное и более или менее планомерное изучение шугнанского и других языков памирской группы в нашей стране связано с именами И.И. Зарубина, В.С. Соколовой и их учеников и последователей: А.Л. Гринберга, Р. Додыхудоева, Т.Н. Пахалиной, Д.И. Эдельман, Н. Карамхудоева, М. Файзова, Х. Курбанова, Т. Бехтибекова, И.М. Стеблин-Каменского, Л.Р. Додыхудоевой и др., а за рубежом – с именем норвежского ираниста Г. Моргенстьерне. Материалы, введенные этими исследователями в научный обиход, привлекались и продолжают привлекаться другими иранистами по написанию сводных и сравнительных работ по иранским языкам.

Из всех существующих до настоящего времени работ лексика шугнанского языка в большом объеме представлена в работе проф. И.И. Зарубина "Шугнанские тексты и словарь". Раздел "Словарь" данной работы по нашим подсчетам содержит 5,5 тыс. словарных статей, включая топонимы, собственные имена и ссылочные вокабулы. Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что И.И. Зарубин по состоянию здоровья не мог участвовать в подготовке рукописи к изданию, и составленная им картотека словаря не была пополнена и дополнительно проверена в шугнанской языковой среде. Ученики и последователи проф. И.И. Зарубина – В.С. Соколова, В.С. Расторгуева, А.Л. Грюнберг и В.А. Лившиц, не имея возможности детально сверить и дополнить рукопись словаря, издали его с небольшим количеством текстов почти в том виде, в каком он был составлен И.И. Зарубиным еще в годы Великой Отечественной войны. К тому же указанный словарь, как отмечается и в предисловии к нему, отражает состояние лексики до середины 30-х годов.

В более позднее время некоторые материалы по лексике шугнанского языка Афганистана в арабской графике были опубликованы афганским лингвистом Шах Абдулло Бадахши. Несмотря на значительное количество работ по шугнанскому языку, степень его изученности по-прежнему не может считаться достаточной. Зарегистрирована далеко не вся шугнанская лексика, не разработаны многие вопросы шугнанской грамматики имеются отрывочные сведения о диалектных отношениях внутри шугнанского языка. По наличию форм, словоизменения все слова в шугнанском языке можно разделить на две группы – изменяемые и неизменяемые. К неизменяемым относятся служебные слова (предлоги, союзы, частицы) и некоторые из знаменательных (наречия, числительные). Изменяемые слова можно разделить, в свою очередь, на изменяемые 1) по числам; 2) по падежам и числам; 3) по лицам и числам; 4) по родам и числам.

Шугнанский язык не обладает развитой системой флексий. Поэтому в большинстве случаев принадлежность слова к той или иной части речи определяется синтаксически: одна и та же лексема в зависимости от синтаксического окружения может употребляться как разные части речи. Наиболее четко выделяются в структурном отношении следующие разряды слов: имена, глаголы, а также служебные слова.

Для анализа языкового материала собранной сплошной выборкой из двуязычных словарей Д. Карамшоева, М. Аламшоева, Ш. Аламшоева, П. Джамшедова и М. Шодибековой нами в работе составлен список редупликантов шугнанского языка, которые подвергнуты анализу в работе.

а-а-ха-ха (назир ловен-ат веванд а-аа сўд); aw-aw – звукоподражание, лай, тьяканье; ай-ай-ой, эй, ах, увы; тит-тит (ак) разбитый вдребезги; цуғ-цуғ (ак) рванный; айрун-айрун – растерянности; бач-кач – дети; бад-бад (чихтов) – смотреть со злостью; барг (ас) барг – не шелохнется, тихоничко; баргӯ-баргӯ – обрывать листья; бардор-бардор (чидов) – хвалить; барзин-барзин – обматывание, скручивание; варраст-варраст – быстро, бегло; бағ-бағ (о пчеле) – звук пчелы, мухи, жужжать; вай-вай – ой, ох; вурз-вурз – судороги, дрожь, озноб; вурс-вурс – шепетать; га-га – иногда; гап-гап – разговоры, толки слухи; гур-гур – друг за другом, толпой; даўн-даўн – прорастать, бегом; дам (ба) дам – непристанно, часто; дар ба дар – скиталец, бродяга; дак-дак – дрожать, трястись, трепетать; туҳа-муҳа – дорожные припасы; дїл-дїл (чидов) – утешать, успокаивать; дус-дус (ик) – по немногу; дўнд-дўнд (ак) – на части, в дребезги, дуст (ми) дуст – рука об руки;

ёик-ёик – заикание, коноязычие; йигун йигун – иногда, временами; хуч-хуч (ак) – медленно; кам-кам – мало; по мало; кар-кар – шуршание, шорох; каш-каш – очень горячий; кур-кур – шорох, шум; курух-курух – шорох, шелест; кук-кук – кряхтанье; лай-лай – баю бай, баинки; лах-лах – постукивание, стук; луг-луг – толпой, гурбой; лум-лум – плавно, тихо; луг-луг – подзывать яка; мах-мах (а) – лениво, вяло (есть); мав-мав – мяу-мяу; муқ-муқ (ик) – пухлый, упитанный; оста-оста – тихо-тихо; пат-пат – бармотание; патте-пате (зибид) – прыгать, скакать; пале-пале – бок, сторона, край; пул-пул – свет, отблеск, огоньки; рам-рам – топот, грохот; рафта-рафта – постепенно; сэм (бар) сэм – в страхе, в испуге; шар-шар – звук воды, шум водопада; курр-курр (чидов) – свистящий звук; кут-кут – кудахтанье; чунг-чунг – согнувшийся; шут-шут (шат-шат) – хромой.

В данном параграфе проводится сравнительно-сопоставительный анализ таджикских и шугнанских дублетов на собранном языковом материале. В первую очередь анализу подвергаются морфологическая структура редупликации в сравнительных языках. Материалом нашего исследования являются повторные слова и дублеты, отобранные из различных словарей (Фаръанги забони тоҷикӣ, двуязычные словари Д. Карамшоева и М. Ш. Аламшоевых и Джамшедова П., Шодибекова для шугнанского языка) и художественной литературы.

Собранный языковой материал можно разделить на две группы: полные и неполные (частичные) редупликации³⁷ и примерами полной редупликации являются такие удвоения как *анбор-анбор*, *зуд-зуд*, *кам-кам*, *оҳиста-оҳиста* в таджикском и *кам-кам*, *оста-оста*, *лап-лап*, *жехт-жехт*, *ранг-ранг* в шугнанском языке.

При неполной редупликации во второй части повторных слов происходят формальные изменения. Неполные повторы выражают значение обобщенности, собирательности и др., например, чой-пой, ош-пош, об-поб, нон-пон, якта-нимта для таджикского языка и *гарва-парва*, *чой-пой*, *кут-пут*, *шут-мут*, *қич-нич* для шугнанского языка. Модели таких редупликаций рассмотрены в работе Д.М. Искандаровой; Л. Бекташа³⁸. Повторные слова часто представляют самостоятельными частями речи и употребляются для обозначения различных смысловых оттенков как в таджикском, так и в шугнанском языках³⁹.

Например, *гоне-(и)гоне* – постоянно, понемногу, поочередно. *Ик аз ми доре шич тамард ца дакум ар мэф гони-гони ар му гэв патев* – Эти лекарства, которые я вам дам, каждый день понемногу кладите мне в рот.

фил-фил (фал, фалт) смотреть на кого-либо: *ғива дав тар вам мис на филт ху рауун сун* – Парень даже не посмотрел на неё и пошел дальше:

рамб-рамб- топот, грохот, гул: йи соат га рамб-рамб сун – Через некоторое время поднялся шум.

чирау-пирату визг, плач – *бачгалаен чираг-пират сар чуд* – дети начали шуметь.

ёМорфологические редупликации в таджикском и шугнанском языках:

³⁷ Карамшоев Д. Значение памирских языков для определения этногенеза древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (I тысячелетие до н.э.). - М., 1981, С. 230-241.

³⁸ Искандарова Д.М. Явление и природа языковой редупликации (сопоставительный и типологический анализ) // Проблемы русского языка в контексте компаративистики. – Душанбе, Эр-граф, .2005.

³⁹ Буранова Муаттар Махмудовна. Структурно-семантические особенности редупликативных слов в английском и узбекском языках.: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 Ташкент, 1982. – 144 с.

а) прилагательные (тадж: *дароз-дарози, баланд-баланди, кам-камик, токча-токча*; шугн: *айрун-айрун, барзин-барзин, даву́н-даву́н, вурз-вурз кури-кури*)

б) существительные (тадж: *олам-олам, каппа-калон, хеш-пеш, мачлис-пачлис*; шугн: *чой-пой, гарва-парва, бач-кач, дунд-дунд, кури-кури, гул-пул, гарда-парда, кахт-пахт, туд- пуд, бач- кач, буц-бала, хех_кавм* и др.

Парно-повторные существительные с заменой начального согласного второго компонента: шугн: *гарда-парда, кахт-пахт, туд-пуд. цирах-пирах, сингир-мингир*

Оба компонента являются существительными: шугн: *бач-кач, буц-бала, хех-кавм.*

в) числительные тадж: *якта-якта, се-се, дк-ду, чор-чор, хазор-хазор*; шугн: *йив-йив, йигун – йигун, пинз-хох, вувд-вахт, вис-висак и тд;*

г) местоимение – тадж: *ҳамон-ҳамон,, баъзе-баъзе*; **шугн**: *пале-пале, арод-тарод*).

д) глаголы – (тадж: *дуп-дуп, чунбон-чунбон, ларзон-ларзон, дав-дав, омад-омад*; шугн: *мидо-мид, хидо-хид, зано-зан, вурс-вурс, барзин-барзин, дил-дил*);

е) наречие – (тадж: *як ба як, дам ба дам, кам-кам, чору ночор, хеле-хеле, секин-секин, базур-базур, оҳиста-оҳиста, ҳар ҷо ҳар ҷо*; шугн: *хаҳ-хаҳ, арҷо-арҷо, тез-тез, кām-кām, лап-лап, дӯс-дӯс, пизор-пизор*)

ж) предлогов – тадж: (*ло ба лои..., қабат ба қабати..., мағз андар мағзи...; байни..., мобайни... ...*; шугн: *зив тар зив, пиц тар пиц, гев тар гев, мак тар мак, шанд тар шанд*);

з) союзы – (тадж: *гоҳ... гоҳ, хоҳ... хоҳ, на... на, чи...чи...; шугн: ё...ё, игон...игон.).*

е) частицы и междометия: тадж: *ҳа бале-ҳа бале, мана-мана*; шугн: *ун- ун, йима-йима*).

и) звукоподражание: (тадж: *шар-шар (журчание); донг-донг (топот), грохот*; шугн: *қул-қул, шур-шур, цур-цур, бур-бур*).

В заключении подводятся итоги диссертационной работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

1. Зайдуллоева Д.А. Исследование дублетов и слов-повторов в таджикском и шугнанском языках. – Душанбе: Эр-граф, 2023. – 172 с.
2. Зайдуллоева Д.А. К вопросу о дублетных словах в современном таджикском языке / Давлатмо Асматиллоевна Зайдуллоева // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания языков: Национальная академия наук Таджикистана. – Душанбе, 2022, выпуск 9 (205). – С.169-179.
3. Зайдуллоева Д.А. Определение лексической редупликации в таджикском языке / Давлатмо Асматиллоевна Зайдуллоева // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук – Душанбе, 2022., №6, (200). – С.134-138.
4. Зайдуллоева Д.А. Сравнительный анализ редупликатов и слов-повторов в таджикском и шугнанском языках / Давлатмо Асматиллоевна Зайдуллоева // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук – Душанбе, 2023., №7, (200). – С.116-121
5. Зайдуллоева Д.А. Особенности дублетных слов в соотношении с когнатами / Давлатмо Асматиллоевна Зайдуллоева // Известия Национальной академии наук Таджикистана. Отделение общественных наук. – Душанбе, 2023, № 3 – С. 258-263
6. Зайдуллоева Д.А. Повтор как единица языка в сопоставляемых языках. / Давлатмо Асматиллоевна Зайдуллоева // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания языков: Национальная академия наук Таджикистана кафедра иностранных языков. - Душанбе, 2023. – С.177.
7. Jamshedov P., Zaidulloeva D. Shahnameh the savior of the Tajik culture Development of science in the XXI century Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference 03-04 August 2023. – Dortmund, Germany 2023. – С. 46-50.